

И.В. Вишнякова

(Алтайский государственный университет)

**К вопросу
о бегстве волжских калмыков
в Джунгарию в 1771 году**

1771 год явился переломным годом в судьбах волжских калмыков. Кочевой народ перестал существовать как единое целое. Откочевка в Джунгарию стала не долгожданной радостью, а трагедией. Болезни, голод, смерть людей, падеж скота, преследование казахов являлись неотъемлемыми спутниками побега калмыков с Волги. Но достигнув предела исторической родины, беглецы столкнулись с тем, что джунгарские земли входят в имперское наместничество Синьцзян, а цинские власти вовсе не радушные хозяева. Надежды и амбиции калмыцких нойонов оказались несбыточными, но за них рядовым калмыкам пришлось заплатить дорогую цену.

В данной статье предпринята попытка осветить ряд моментов: во-первых, определить причины, побудившие волжских калмыков перекочевать в Джунгарию; во-вторых, выяснить отношение калмыцкой знати, простых калмыков, а также русских и китайских властей к идее побега с берегов Волги; в-третьих, определить маршрут беглецов; и, наконец, охарактеризовать взаимоотношения цинских властей и калмыков, прибывших в Синьцзян.

Следует отметить, что волжские калмыки являлись частью западных монголов-ойратов, откочевавших в первой трети XVII в. на берега Волги. Здесь они неоднократно принимали шерги (клятвы) на верность Русскому государству. Но калмыки легко нарушали их, так как по словам Ф.А. Бюлера «... присяга в верности кочевых азиатских племен в глазах их самих не заключает в себе ничего святого. Она для них легкое средство для достижения предполагаемых выгод и нарушить ее при первом удобном случае им ничего не значит»¹.

Калмыцкие владельцы зачастую вели себя как независимые правители (так, тибетский Далай-лама прислал в 1690 г. печать хана калмыцкому владельцу Аюке). Только в сентябре 1724 года, по слова известного монголоведа А.М. Позднеева, калмыки принесли новую шерть, которую расценили как первую присягу «... данную ими России»². Но и после этого отношения между русскими властями и волжскими калмыками напоминали отношения сюзерена и вассала. Однако официальные власти пытались переломить эту ситуацию в свою пользу. Так, русское правительство решило вмешаться в дело назначения наместника Калмыцкого ханства после смерти Аюки-хана в 1724 году.

Прямым наследником умершего явился его старший сын Цэрэн-Дондук, но российская сторона хотела видеть ханом Доржи Назарова, однако последний отказался отдать в аманаты своего сына. В результате во главе ханства стал Цэрэн-Дондук (1731-1735 гг.). Казалось бы, правило престолонаследия осталось не нарушенным, но сам факт вмешательства русской стороны в дела калмыков вызвал у них протест. И именно к этому времени относится предложение ханши Дарма-Балы (жены покойного Аюки-хана) откочевать в Джунгарию, «... но опасения калмыцких князей, что джунгарский хунтайчжи лишит их обладания данниками, побудило их отклонить этот план»³.

Не менее сильное сопротивление калмыцкой знати вызвала попытка русских властей обращать их в православие. Еще Петр I, считая, что у калмыцких тайшей, зайсанов нет большого предубеждения против христианской веры, «... обратил особенное внимание на распространение оной в Калмыцком народе и указал стараться сперва преклонять самих владельцев и учителей их к принятию учения Христова и перевести для сего нужные церковные книги на Калмыцкий язык»⁴. Была устроена походная церковь, которой «заведовал»

крещенный калмык по имени Петр Петрович, иеромонах Никодим должен был просвещать язычников учением Христианской веры»⁵. Рядовые калмыки принимали православие не столько потому, что действительно становились религиозными, сколько из-за того, что крещение предполагало денежное вознаграждение и более сносную жизнь, чем во владении того или иного нойона. Большое поселение крещеных калмыков находилось в Чугуеве (Восточная Украина). Калмыцким владельцам это не могло нравиться, поскольку они теряли подвластное им население⁶.

Со второй четверти XVIII в. начинаются некоторые социальные и хозяйственные изменения в калмыцком обществе, ощутимо проявившие себя в 40–60-х гг. XVIII в. Многие обедневшие калмыки уходили на заработки в города, на рыбные и соляные промыслы. Длительное их отсутствие, проникновение в калмыцкую степь новых форм хозяйствования, русская и немецкая земледельческая колонизация Волги влияли на хозяйственный и бытовой уклады жизни калмыков. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н. Татищев отмечал сокращение населения улусов и увеличение «бесскотных калмыков»⁷.

Земледельческая колонизация, создание волжского казачества с центром в Дубовке сокращали территорию кочевий калмыков, которые кочевали от Северного Кавказа (на юге) до Самары (на севере) и от Урала (на востоке) до Дона (на западе), нередко выходя за эти пределы. Теперь же они вытеснялись на засушливые со скудной растительностью земли.

К хозяйственным изменениям добавилась и судебная реформа. В 60-х гг. происходит реорганизация суда Зарго. Теперь его следовало называть не ханским, а народным. Отныне в Зарго входили нойоны не только ханского улуса, но и всех улусов, причем утверждение их кандидатур зависело не только от хана, но и от народного выбора и русских властей. Калмыцкая знать старалась в такой ситуации решать насущные проблемы вне пределов власти реорганизованного Зарго. Власть знати и ее влияние стремительно сокращались. Копившаяся протестная энергия искала выход.

Инициаторами побега с берегов Волги в Джунгарию исследователи считают влиятельных нойонов Даши-Дондука, Цэбэк-Дорчжи, главного ламу Лоузан-Джалчина и др., т.е. тех, кто составлял непосредственное окружение наместника ханства Убаши. Сам Убаши на

начало 70-х гг. был достаточно молод, к тому же он был человеком безвольным, легко поддающимся чужому влиянию, например, джунгарского нойона Шерена (Шеаренга), бежавшего на Волгу после разгрома Джунгарии Цинами. Шерен провоцировал калмыков на откочевку в Джунгарию. Он утверждал, что «как их народ (волжские калмыки — И.В.) в Прусскую и Турецкую войны и против калмыцких татар в деле военном искусились, то могут они не только с русскими, но и с китайцами сравниться и отобрать прежнюю свою землю»⁸, в которой много пастбищ, а русские власти притесняют калмыков и не позволяют им кочевать, где они хотят. Китайские власти полагали, что причиной откочевки калмыков явилась уверенность Убаши в том, «... что (район) Или и другие местности пустыют...», а перекочевав туда, они смогут занять те земли⁹.

Вообще калмыцкая знать активно спекулировала на теме о военной службе в русских войсках и участии в войнах, которые вела Россия. Так, накануне побега, 4 января 1771 года Убаши, чтобы окончательно склонить калмыков к откочевке, со слезами на глазах (!) объявил, что императрица Екатерина II повелела «... набрать ис калмыцкого народа десять тысяч человек для определения в солдаты...»¹⁰. Но наместник, якобы для спасения своего народа, «... никакого другого способа не находит как только уклониться из российского подданства, прося всех, чтобы они следовали за ним беспрекословно»¹¹.

А как рядовые калмыки относились к идее побега в Джунгарию? Уже при переправе через Яик русские власти задержали 4 тысячи беглецов, которые признались, что «они больше в Зенгорию идут по принуждению наместника ханства Абуши и других главных владельцев, от коих для того к ним и нарочные были присланы. А они де сами к тому желания не имели»¹².

Приготовления к побегу, по мнению А.М. Позднеева, проводились на протяжении двух-трех лет¹³. Российские власти неоднократно за эти годы получали сообщения о готовящемся побеге. Так, оседлый калмык Замьян в письмах сообщал, что нойоны интересуются: «возможен ли военный конфликт между Россией и цинским Китаем, но независимо от этого собираются уходить к китайским границам»¹⁴. Но его донесения оставались без ответа, поскольку было известно, что отношения между Замьяном и наместником ханства и другими калмыцкими владельцами были весьма напряженными. В конце 1770 г.

Цой Лазан Темиров сообщал, что побег назначен на начало февраля 1771 г., когда «... оная калмыцкая орда вся намерена..., перешед через Яик реку..., итти на прежнее свое жительство в Зенгорию»¹⁵. Служилые калмыки и казаки Яицкого городка также сообщали командующему оренбургским корпусом генерал-майору И.К. Давыдову о готовящемся калмыками побеге в Джунгарию. Давыдов сообщил об этом оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу, но последний заявил, что «показание... людей, ... находит недостойным»¹⁶. Более того, губернатор рекомендовал не распространяться об этом, поскольку «подобные слухи уже и раньше появлялись»¹⁷. И только когда 5 января 1771 года калмыки с левобережья Волги двинулись в путь, российские власти начали действовать, чтобы остановить беглецов. И.А. Рейнсдорп узнал о бегстве калмыков 23 января 1771 г. из письма И.А. Кишенского, управляющего «Калмыцкими делами». А 24 января о случившемся узнали в официальном Петербурге. Решение властей было такое – употребить «все старания о их (калмыках – И.В.) к Волге возвращении»¹⁸. В считанные дни нарочные оренбургского губернатора донесли его приказы на яицкие форпосты о задержании беглецов и пленении Убаши и других влиятельных нойонов¹⁹. Кроме того, нарочный толмач Васильев отправился к хану казахов Младшего жуза Нуралы с письмом от Рейнсдорпа с просьбой принять участие в преследовании калмыков²⁰.

Основную массу бежавших составили, как мы уже упоминали, калмыки с левого берега Волги, хотя находящиеся на правом берегу реки также должны были присоединиться к ним. Но зимой 1770–1771 гг. Волга не замерзла, и калмыки с правобережья не могли перебраться на левый берег. Поводом к бегству явилась речь Убаши 4 января 1771 г. После этого, как доносил Рейнсдорпу И.А. Кишенский, народ «пришел в великое замешательство и в тот же момент все бросились для забранья своих домов, а наместник, пользующийся сим злодейским вымыслом, того же часа, отправил собственные свои войска как для разграбления находящихся в калмыцких улусах для торгу разного звания купцов, так и для забранья тех улусов, о которых они имели сомнение, что оные бес принуждения за ними следовать не будут»²¹.

Движение калмыков не было хаотичным. Маршрут и построение были определены заранее. Так, одна часть беглецов продвигалась в сторону Яика, «... в авангарде с 10-ти тысячным войском шли

Шерен, Бомбар, Гунга взади и по бокам по 5 тысяч»²². Остальные двигались в сторону Эмбы, «...вожаком у них владелец Шеаренг, всех же тех калмык не меньше имеет быть одних служивых людей как тысяч до семидесят»²³.

Здесь мы подошли к вопросу о численности кибиток (семей), ушедших с Убаши. Если исходить из того, что среднестатистическая калмыцкая семья состояла из 5 человек, то, видимо, ушло в Джунгарию более 100 тысяч человек (или немногим более 30 тыс. кибиток). Далеки ли эти цифры от истины — сказать трудно. Тем не менее, сравнивая данные из разных источников, мы наиболее часто встречаем цифры, варьирующиеся от 28 до 33 тыс. кибиток²⁴.

Первое серьезное препятствие волжские калмыки встретили со стороны казахов Младшего жуза во главе с ханом Нуралы, уже перейдя Яик. До этого они продвигались, не встречая на своем пути сколько-нибудь серьезного сопротивления, поскольку силы их были еще не истощены и, как полагал полковник Шпрингер, калмыки старались держаться подальше от русских военных крепостей²⁵. Однако миновать земли казахов они не могли, а еще 30 января 1771 года Нуралы писал Рейнсдорпу, что «для исполнения должности моей тот час окрестному моему народу известил, чтоб оный немедленно собрался, которым предводительствовать сам я в готовности нахожусь»²⁶. Хан Младшего жуза просил прислать ему регулярные войска и башкирские отряды. В марте того же года султан Среднего жуза Аблай уведомлял С. Станиславского, исполнявшего обязанности сибирского губернатора, что также готов присоединиться к преследованию калмыков и, что «... позыв на разбитие ... калмык, приемлют за особый знак к ним от здешней Российской стороны»²⁷. Но желание помочь русским властям имело вполне практическое значение: поживиться за счёт разграбления беглецов. Исследователь прошлого века Ч.Ч. Валиханов писал, что захват скота у калмыков рассматривался казаками чуть ли не как признак удачества: «Это случилось так: брат Джанатая Уйсунбай, делая разезды, взял у калмыков 3 верблюдов; когда по возвращении у него брат же его Аркандар-батыр попросил должную саугу (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки — можешь сам взять: болезни у тебя нет»²⁸. В результате Аркандар с «7 товарищами» напал на калмыков и захватил 9 верблюдов»²⁹.

Но не только русские власти обращались к казахам. В 1770 г. китайский император Хунли (девиз правления Цяньлун) направил письмо султану Аблаю, в котором просил его пропустить через казахские земли волжских калмыков, которые «имеют бежать к нему» (китайскому императору — И.В.)³⁰. Уже во время побега калмыков правитель Поднебесной еще раз настойчиво рекомендовал казахам не препятствовать продвижению беглецов³¹. Цинские власти вообще стремились втянуть казахов в сферу своего влияния³². Помимо этого между ними были серьёзные противоречия по поводу освоения Синьцзяна. Дело в том, что образованное имперское наместничество оставалось малозаселённым, чем не преминули воспользоваться казахские кочевники, нередко переходившие границы Синьцзяна в поисках пастбищ. Позволим себе предположить, что для цинских властей возврат калмыков позволил бы стабилизировать этнографическую и экономическую ситуации в этом регионе.

Русские войска под командованием А.И. Рейнсдорпа и И.К. Давыдова вскоре прекратили преследование калмыков, поскольку не хватало провианта, фуража для лошадей, знающих проводников, о чем сообщал в своих донесениях Рейнсдорпу полковник Траубенберг³³. Большую роль сыграл и саботаж яицких казаков. Они просто отказывались выступать в поход, так как им не выплачивали положенного жалованья, не желали подчиняться войсковому атаману и старшинам, «а дали б как атамана, так и прочих чинов всех самим им выбрать из казаков»³⁴. Помимо этого, между ними ходила ложная грамота якобы от Екатерины II о том, что «казаков никуда не наряжать»³⁵.

Положение бежавших калмыков ухудшалось с каждым днём. Русские источники свидетельствуют, что беглецы все медленнее двигались вперед, среди них больше становилось тех, кто шёл пешком, пока позволяли силы. Больным и немощным уже не старались помочь, а оставляли их в пути. Больные, голодные люди легко становились добычей воинов Нуралы и Аблая. Хан Младшего жуза хвастливо писал Рейнсдорпу, что в одном бою «калмык с тысячу человек побил, а жон их и детей в добычу себе пленил...»³⁶. Далее Нуралы отмечал, что Убаши присылал к нему посланника с предложением мира и позволения остаться в землях Младшего жуза, но хан «... отвечивал, чтоб он Абаша со всем его народом в прежния их кочевья возвратился и принеся ея и.в. повинование в прежнее состояние обратился...»³⁷. Но Убаши продолжал путь далее...

Измученные долгой дорогой, потеряв половину людей³⁸, калмыки в июне 1771 г. добрались до «Тамухских передовых зашит, занимаемых китайскими отводными караулами»³⁹. Цинские чиновники, посланные илийским губернатором, предложили им принять китайское подданство. Убаши в течение 7 дней совещался со своими приближенными по этому поводу, но калмыки были настолько слабыми, что у них не было другого выбора, как принять подданство⁴⁰. Убаши и другие нойоны были благосклонно приняты сначала в резиденции илийского губернатора, а затем на аудиенции у цинского императора в его загородной резиденции в Жэхэ. Калмыцкая знать была наделена кочевьями, пожалована различными титулами и наградами (в них входили ткани, кирпичный чай и т.д.)

Отводом земель для кочевий калмыков занимались непосредственно илийский губернатор и командующий войсками в этом районе, они были «заранее предупреждены императором о том, что калмыков следует поселить в глубинных районах страны, а не поблизости от границы в Илийском округе, чтобы исключить тем самым всякую возможность их побега»⁴¹. Но еще до отъезда нойонов в Жэхэ калмыки были расселены на территории Западной Монголии и Джунгарии. Кроме этого, Цины объединили калмыков в хошуны, особые административные единицы⁴², а также стремились расселять их среди мусульман, переселенных из Восточного Туркестана. Цель была та же — не допустить общения между ними и совершения побега из пределов Синьцзяна. Таким образом, политика цинского правительства была направлена на разобщение калмыков, подчинение их своему господству. Но среди последних росло желание покинуть негостеприимную «Родину». Причём эту идею вынашивали не только рядовые калмыки, но и некоторые знатные, о чём свидетельствует указ императора Хунли сановникам Цзюньцзичу от 12 марта 1773 г. Император повелевал «в качестве (необходимых) мер предосторожности тайно дать распоряжение караульным постам, расположенным вдоль дорог в приграничной с Россией полосе, чтобы они строго охраняли границу и не допускали ни малейшего послабления»⁴³. Помимо этого в случае раскрытия заговора о побеге «лучшие люди» могли быть «отосланы внутрь границы..., а протчия скудния... калмыки...» могли быть «разделены по рукам китайцев»⁴⁴. Башкирский старшина Казаккул Казанбаев, при возвращении из Среднего

жуза в 1777 г., сообщал, что «калмыки намерение имеют обратно в Россию через побег вытти, но способу такого найти не могут»⁴⁵. Не многие смогли вернуться на Волгу.

Ради сохранения власти и привилегий, калмыцкая знать спровоцировала на побег тех, для кого берега Волги были родными, где жили их предки. Калмыцкие нойоны оплатили человеческими жизнями свое благополучие и богатство. Таков был итог исторической драмы калмыцкого народа, разыгравшейся во второй половине XVIII века.

Примечания

- ¹ Бюлер Ю.А. Кочующие и оседложивущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 7. С. 25.
- ² Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1886. С. 158.
- ³ Там же. С. 160.
- ⁴ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста, 1991. С. 105–106.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См., например: Калмыкия во второй половине XVII — начале XVIII веков. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
- ⁷ Батмаев М.М. Новые хозяйственные явления в Калмыцком ханстве в 40–60-х годах XVIII века // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 26.
- ⁸ Государственный архив Омской области (далее: ГАОО). Ф. 3. Экстракт из журнала комисара Игумнова с 16 марта по 23-е число июня сего года. Оп. 1. 1772 г. Д. 129. Л. 185 об.
- ⁹ Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв.: Документы и материалы. Кн. 2. М., 1989. Док. № 231. С. 196.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1771 г. Д. 118. Л. 4–4 об.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Д. 114. Л. 220–223.
- ¹³ Позднеев А.М. Указ. соч. С. 167.
- ¹⁴ Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х книгах. Элиста, 1993. С. 355–356.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1771 г. Д. 121. Л. 23.
- ¹⁶ ГАОО. Ф. 3. «Столп о бежавших ис протекции ея и в. волских калмыках 1771 года». Оп. 1. 1771 г. Д. 114. Л. 1–1 об.

- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Цит. по.: Манджиева А.Ю. Проблемы калмыцко-казахских отношений в XVIII в. // История и культура монгольских народов: источники и традиции. Элиста, 1999. С. 71.
- ¹⁹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1760 г. Д. 114. Л. 61.
- ²⁰ Там же. Л. 70–70 об.
- ²¹ Там же. 1771 г. Д. 118. Л. 4 об.–5.
- ²² Там же. Д. 114. Л. 279–279 об.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Подробно см.: Сочинение китайского князя Цишия, переведённого с китайского подлинника г. надворным советником С.В. Липовцовым // Сибирский вестник. СПб., 1820; Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. Элиста, 1993.
- ²⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1771 г. Д. 114. Л. 94.
- ²⁶ Там же. Л. 118 об.–119.
- ²⁷ Там же. Д. 118. Л. 145–145 об.
- ²⁸ Там же. Л. 393.
- ²⁹ Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 221.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 122/2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 352–353.
- ³² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1771 г. Д. 120. Л. 221–222 об.
- ³³ Подробно см.: Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М. 1979.; Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1771 г. Д. 118. Л. 229–229 об.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 116–117.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. 1777 г. Д. 176. Л. 334 об.–335.
- ³⁹ Сочинение китайского князя Цишия... С. 216; Санчиров В.П. Приволжские калмыки в составе Цинской империи в конце XVIII в. // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. Элиста, 1983. С. 75.
- ⁴⁰ Санчиров В.П. Приволжские калмыки... С. 62–63.
- ⁴¹ Там же. С. 67.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Международные отношения... Док. № 233. С. 198.
- ⁴⁴ Там же. С. 241.
- ⁴⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. 1777 г. Д. 176. Л. 7.